

Китайские брелоки – самые французские в мире (и наоборот)!

Я все думаю: неужели китайским туристам никогда не приходило в голову, что сувениры, которые они покупают у нас в Париже, сделаны у них, в Китае?

Каждый раз, когда я вижу, что из автобуса выпалились китайцы и озабоченными муравьями мечутся у меня по магазинчику, мне хочется забрать у них брелоки для ключей с Эйфелевыми башенками, какие они успели нахватать из корзинки при входе, и сунуть им под нос надпись: «Made in China», которая красуется на колечке.

Но вместо этого я с дружелюбной улыбкой пробиваю чеки. А если в настроении, выдаю пару-тройку известных слов на языке мандаринов — я запомнил их из фильмов с Джеки Чаном: «Ни хао! Се се!»

Да и как иначе? Начни я отваживать покупателей, хозяин меня бы не одобрил. К тому же я сильно сомневаюсь, что сумел бы отговорить хоть кого-то от приобретения этих баснословных сокровищ из белого металла, ради которых они проехали больше десяти тысяч километров.

Здесь, на Монмартре, торгуют мечтами, и обходятся они недорого. Косточка гладко спилена — значит, утиная ножка точно с птицефермы, лягушачья лапка от шестипалой лягушки, их специально разводят для рестораторов, а домашний десерт, каким манит надпись мелком на грифельной доске у бистро, привезли утром замороженным вместе с остальными двадцатью тремя порциями в большой коробке. Конечно, из дома, и очень большого, и называется этот дом фабрикой-кухней.

В сущности, Монмартр — чудесная обманка, квартал из папье-маше, раскрашенный в розовые тона, что-то вроде Диснейленда, который находится от него всего-то в сорока километрах лёта для Базза Лайтера.

И в нашем бизнесе, я имею в виду продажу сувениров, тоже все неплохо налажено. Так называемые «оригинальные полотна» гонит для нас один знакомый художник, а «ручную» живопись на майки наносят вьетнамцы в тринадцатом округе, и попробуй скажи кто-нибудь, что они не руками работают, а настоящие парижские береты привозят нам на самолете из страны, названия которой я и запомнить-то не могу — но знаю, что оканчивается она на «-стан».

Короче, видя, до чего легко обдурить туристов, я иногда думаю: у кого же из нас голова не в порядке — у них или у меня?

Кстати, о порядке: мой хозяин Рашид снова опаздывает, и у меня из-за него опять проблемы. Не могу же я уйти и бросить магазин без надзора, а ждать, пока он появится, я тоже не могу: мне пора бежать на другую работу. Думал бы мой хозяин о последствиях своих поступков, Земля бы вращалась ровнее. Но он занят только своей мелкой выгодой. Он знает: я профессионал, я не закрою магазин, когда у дверей толпятся туристы. Это его устраивает, и он этим нещадно злоупотребляет.

Наняв трисомика, Рашид рассчитывал удвоить оборот. И ошибся. Благодаря мне он его утроил. Кто бы мог подумать, что и в XXI веке можно нажиться на человеческой беде? Хотя я вовсе не считаю, что я прямо-таки воплощение этой самой беды.

Мне вполне хватило бы и заработка в магазине, тем более что я до сих пор живу с родителями, так что не плачу за жилье, хотя время от времени я маме с папой помогаю. Мне уже тридцать, но они держат меня при себе — говорят, что хотят как можно лучше научить меня самостоятельности. По мне, так это парадокс. Но я с видом простачка не мешаю им соблюдать видимость контроля. Мне приятно их хоть чем-то порадовать.

Но однажды я все-таки уйду. И они ничего не смогут поделать. Я не буду больше для них обузой. Уйду и заживу своей жизнью. Своей собственной. Мама с папой меня оберегают и многого мне не говорят, но я понимаю, что я не такой, как все, и жизнь у меня никогда не будет вполне нормальной. У меня, например, никогда не будет детей, я это уже выяснил. Но если мне повезет — я поживу и полюбуюсь

еще весен двадцать вишнями в цвету, хотя кометы Галлея, скорее всего, я не увижу: она пролетит здесь в 2061 году. Но что бы о нас ни думали, не такие уж мы беспомощные, и есть много занятий поинтереснее, чем сетовать на судьбу. Узнавать все больше нового, к примеру.

В интернете я прочитал, что не меньше десятка людей с синдромом Дауна прекрасно учились вместе с нормальными студентами и даже получили дипломы в приличных университетах.

А еще я узнал, что в 2008 году некий Берт Холбрук, американец, попал в «Книгу рекордов Гиннеса» как самый старый человек, живущий с трисомией 21. Он скончался 14 марта 2012 года в возрасте 83 лет. Так что есть о чем помечтать!

Я сразу записал все это в свою зеленую тетрадку, куда записываю только хорошее: что помогает мне верить в будущее и придает сил.

Так что я вкалываю, надеясь со временем купить себе приличную квартирку в Париже и попрощаться с мамой и папой. Но не могу же я целыми днями обжуживать туристов на Монмартре, мне совестно, так что во второй половине дня с 13:00 до 16:00 я работаю «носом» в одной очень известной фирме, производящей дезодоранты. Туда-то я и опоздаю, если хозяин не появится прямо сейчас.

На второй моей работе никто не выставляет меня напоказ и не пытается заработать на моей внешности, хотя я и на Рашида не обижаюсь, он ведь это не со зла, а по глупости. В лаборатории, чтобы делать деньги, хватает моего носа, и мне кажется, что это куда благоднее.

Природа подсунула мне лишнюю хромосому в двадцать первую пару, поскупилась для меня на слух, который мне лечат с младенчества, но зато наградила обонянием гораздо выше среднего, почти как у Жана-Батиста Гренуя из «Парфюмера» Зюскинда. Уравновесила, черт ее подери, ничего не скажешь. Задница она вонючая за такие эксперименты!

В общем, если собачья чуйка равна миллиону человеческих носов, то мой нос равен примерно дюжине. Охранник супермаркета, который ходит с большой немецкой овчаркой, однажды сказал мне, что у собаки обонятельная мембрана — сто тридцать квадратных сантиметров (то есть она примерно с почтовую открытку), а у человека — всего три квадратных сантиметра (то есть примерно с почтовую марку). Мне стало жутко интересно, какая же мембрана у меня? Мне от этой информации ни жарко ни холодно, но я записал ее в зеленую тетрадку — из чистого любопытства.

Так вот, значит, я — «нос» знаменитой марки дезодорантов. Теперь упоминать названия марок запрещено. Даже по телевизору майки показывают с изнанки, чтобы, не дай бог, не подумали, что они рекламируют чей-то товар. Да мы-то все равно узнаем их с первого взгляда, так что трудно понять, чего они все из кожи вон лезут. По сути, если называть вещи своими именами, я — «обнюхиватель подмышек». Вторая моя профессиональная деятельность как раз в том и состоит, что после использования дезодоранта я приближаю нос и обнюхиваю подмышку — десяток в день, пятьдесят в неделю, две сотни в месяц.

Подмышки, хотя и чисто вымытые — условие оговорено в контракте, — все равно бывают с душком, который не истребишь ни мытьем, ни дезодорантом. Отличаются этим чаще мужчины, как раз те самые «крутые мужики», а я, увы, и работаю в мужской секции с крепышами. Но шеф обещал в самое ближайшее время перевести меня в женский отдел.

И тут вдруг я узнаю, что несколько месяцев назад в Сингапуре одного паренька приговорили к восемнадцати палочным ударам и четырнадцати годам тюрьмы за то, что он обнюхал подмышки у двадцати трех женщин в таких скверных местах, как лифты и полутемные паркинги. Мне страшно даже вообразить, что ожидало бы меня у них в стране — если я обнюхаю больше трех тысяч шестисот за год.

В панике я записал эту информацию в красную тетрабочку, куда записываю дурные вести, и поскорее закрыл, как будто из нее вот-вот выскочит дьявол. Вот уж никогда не поеду в Сингапур...

Кто пьет воду?

Нынче утром я копался в интернете, разбираясь с отцом современной химии Антуаном Лавуазье, которого за преданную службу науке отблагодарили отсечением головы, потому что в годы царствования Людовика XV он еще и налоги собирал. И вот среди своих интернетовских изысканий я наткнулся на знаменитую загадку, приписываемую Альберту Эйнштейну, — хотя она скорее похожа на дело рук неудачливого старичка-психолога, который зарабатывает на жизнь проведением тестов IQ для типов вроде меня. Так вот, по мнению немецкого физика, которого впоследствии лишили родины и он стал швейцарцем, а потом швейцарцем-американцем, только два процента населения способны решить его головоломку. Мне, конечно, стало страшно интересно, и я принял вызов.

Благодаря этой мощной интеллектуальной встряске я к тому же могу понять сам, без маминых с папой сказок, на какое количество куриных мозгов расщедрилась для меня добрая и великодушная природа.

В магазине рядом с кассовым аппаратом я держу оранжевую тетрадку, куда записываю всё, что ни хорошо ни плохо, она открыта у меня на странице, куда

я переписал загадку. Тетрадь с самого утра у меня под рукой — на случай, если улучу минутку и немного над ней подумаю.

Англичанин живет в красном доме. Испанец обожает свою собаку. Исландец — инженер. Кофе пьют в зеленом доме. Зеленый дом сразу слева от белого дома. У скульптора есть осел. Дипломат живет в желтом доме. Норвежец живет в первом доме слева. Врач живет в доме по соседству с тем, где живет владелец лиса. Дом дипломата по соседству с тем, в котором есть лошадь. Молоко пьют в доме посерединке. Словенец пьет чай. Скрипач пьет апельсиновый сок. Норвежец живет возле синего дома. Кто пьет воду? Кто держит зебру?

На первый взгляд, чистейший абсурд. Скрипач пьет апельсиновый сок, у скульптора есть осел — пьеса Ионеско, да и только. Сбивает с толку обилие информации. Кажется, что придется разбираться со множеством самых разных вещей. Но это только так кажется, хитрость шита белыми нитками. Уже через секунду понимаешь: свяжешь две-три странных и неважных подробности — и дело пойдет.

Я пишу в тетради в клеточку и нарисовал в ней пять домиков. Я не слишком старался, да и вообще рисовальщик я неважный, особенно если срисовывать не с чего. Тут мы с папой совсем непохожи, потому что он как раз учитель рисования. Короче, я нарисовал домики, какими их себе представил, совершенно свободно, без всяких задних мыслей и без психолога-очкарика за спиной, который качает

головой при каждом моем штрихе, думая о тяжелых травмах детства, что по-прежнему живы в моей душе, поскольку над трубой у меня нет дыма, а на окнах занавесок. Мои домики — обведенный квадрат, а над ним треугольник крыши. И всё.

Под первым я написал буковку «Н» — ведь «Норвежец живет в первом домике слева». Под нарисованным сразу справа написал «Синий», поскольку «Норвежец живет возле синего домика». И, наконец, подрисовал под следующим маленький стакан с молоком — потому что «В доме посередке пьют молоко».

Чтобы до этого дойти, полноценным быть обязательно. Трисомик с каплей здравого смысла вполне на это способен. Мое честное слово. Раздумывая, что делать дальше, я решил, что загадка — отличное упражнение для мозгов. Всем полезно попробовать. Она в духе sudoku, в переводе «единственная цифра», только здесь вместо цифр фразы, понятия, их надо сопоставить между собой. Но почему-то людей, развлекающихся решением задачек такого рода, в метро не видно — а вот маленькая японская решеточка, в которую надо вписать циферки, вездесуща, с ней встретишься в любых видах транспорта.

Немного времени, сосредоточенности — и станет понятно, как связаны между собой скрипачи, норвежцы и лисы, но у нас на Монмартре туристов пруд пруди, разве что в дождливые дни их меньше, да и то вряд ли.

Я откладываю тетрадь и ручку. Думаю, что стоящий передо мной мужчина — испанец, образцовый

усатый мачо, он кладет перед моим носом две белые бейсболки с вышитой надписью «Париж». Тут же в мои ноздри ударяет резкий запах химии. Я различаю противные запахи полиэстера, клея для обуви и плавленого воска.

— Двадцать восемь евро! — говорю я, поспешно отодвигая бейсболки подальше от своего носа, и прячу их в зеленый пластиковый пакет, который пахнет не лучше. Турист, глазом не моргнув, протягивает мне пятьдесят евро. Почему-то мне кажется, что я мог бы сказать ему и тридцать восемь, и сорок восемь. Есть такие, кому плевать на цену, они приехали за границу только затем, чтобы спустить свои евро, как будто их евро не такие, как наши. Но в Испании сейчас кризис, я видел по телику. Поэтому я ничего такого не говорю — наверстаю на ближайшем автобусе с японцами. Сдачу сдаю, сколько показывает кассовый аппарат. Вот. За несколько секунд магазин получил прибыль в кругленькую сумму двадцать четыре евро — потому что бейсболки, заказанные в астрономических количествах, обходятся хозяину по два евро за штуку.

Довольный мужик направляется к выходу, на улице его ждет прелестная брюнетка в майке с вырезом и шортах, она ест мороженое. Брюнетка целует в щечку своего дружка, любовника, мужа или не знаю, кто он там ей еще, и быстренько напяливает синтетическую бейсболку себе на голову. Она красуется в ней, словно Мисс Чего-нибудь в бриллиантовой диадеме. Мне за нее почти стыдно. За сегодняшнее утро я продал таких уже семнадцать штук. Но могу пари держать, что она чувствует себя

уникальной красоткой и сейчас пойдет собой любоваться во всех монмартрских витринах.

Я снова открываю тетрадку и свежим взглядом окидываю условия задачи. «Испанец обожает свою собаку».

Я хоть и не испанец, но у меня тоже была собака, ее звали Фара, и я ее обожал. Она умерла, уже несколько лет назад. Я так плакал, что мама больше не хочет заводить для меня никаких животных, даже золотую рыбку.

Я поднимаю голову и смотрю вдаль; даль для меня — это угол улицы Мулен-де-ла-Галетт. Испанка смотрит на свое отражение в витрине ресторана.

Испанка обожает свою бейсболку.

Я обожаю испанца, который купил бейсболку испанке, которая обожает свою бейсболку. Но еще больше я обожаю Рашида: его невероятно тощий силуэт нарисовался в проеме входной двери в магазин, и он машет мне рукой — я могу уходить.